

Мариэтта ШАГИНЯН,

Герой Социалистического

Труда

ЛЕЖИТ НА ЛАДОНИ

Старейшая советская писательница Мариэтта Шагинян была участником всех шести съездов писателей СССР. В преддверии VII съезда корреспондент «ЛГ», встретившись с Мариэттой Сергеевной, попросил ее ответить на вопросы редакции:

— Вы не раз выступали в печати и по телевидению о Первом съезде советских писателей. Мне хочется снова просить вас сказать об этом съезде несколько слов — ведь с годами вырастает опыт и прибавляется что-то новое в человеческом суждении о прошлом.

— Да, это вы правильно сказали насчет растущего с годами опыта. Дело в том, что прошлое отодвигается от нас с каждым годом, но в то же время ярче и глубже раскрываются исторические связи этого прошлого с общей панорамой нашей культуры. Сейчас мне иногда приходится говорить: «Столетие лежит у меня на ладони». Это значит, что до столетия, до целой эпохи остается мне каких-то шесть с лишним лет. Согласитесь, что цифра эта небольшая, если, конечно, наша планета не взорвется от накапливания ядерных вооружений задолго до всякой мировой войны. Когда я гляжу с моих теперешних лет в далекое прошлое, то многое предстает мне именно в этих внутренних исторических связях.

Вы просите рассказать о Первом съезде. Это слово — съезд, которое в словарях указывается как адекватное конгрессу, на самом деле имеет чисто русское звучание. В Западной Европе бытуют другие слова, пишущиеся иногда с большой буквы: Конгресс, Конференция... Русское слово «съезд» звучит скромнее и пишется с маленькой буквы. Оно отражает очень частые события в русской общественной жизни почти на всем пространстве девятнадцатого века. Знаменитые Пироговские съезды, многочисленные учительские съезды, земские съезды — все это были очень важные и содержательные явления переводной русской культуры. На них меньше всего говорилось об уже состоявшихся достижениях, а шел прежде всего необходимый для будущего обмен передовым опытом, участников съездов — в области медицины, школьного дела, педагогических учений. Таким, действительно-деловым, обращенным лицом не к прошлому, а к будущему, был и наш Первый советский писательский съезд. Он продолжался долго — две

недели — и оставил после себя очень много реальных планов и перспектив для развития советской литературы в будущем.

— В чем вы видите это обращение лицом к будущему?

— Прежде всего, оно явно содержится в самих результатах съезда. Многие, что до съезда еще не существовало организационно, получило свою будущую структуру. Например, связь нашей русской литературы с литературами национальных республик и областей. Это очень большое дело. До съезда мы уже приступили к планомерному знакомству с национальными литературами. Обменивались делегациями, зачиналась переводческая деятельность в форме создания подстрочников и затем переложения их уже мастерами художественного слова. Я имею в виду, прежде всего, поэзию, но и прозу, которая в некоторых республиках только начала созревать. В то время мы даже не предполагали такого могучего роста литератур тогда еще отсталых республик, которые сейчас украшают именами своих писателей и общую советскую литературу. Чем была прежде древняя Киргизия или древняя Калмыкия? А ныне — сияющие имена: Чингиз Айтматов, Давид Кугультинов. И много таких примеров можно привести. Я счастлива тем, что была прямой участницей организационного поворота к национальным литературам.

— Нельзя ли подробнее?

— Дело в том, что еще задолго до съезда я стала усиленно читать произведения литературы наших национальных республик, получившие перевод на русский язык, особенно прозаические. И меня поразило, что в самых разных культурах разных народов, при самых разных их уровнях совершенно разными бытовыми подробностями стала просвечивать единая тема, подсказанная социалистическим переворотом. Нам надо было отучать наших людей от принципа личной собственности, от крайне вьевшегося в нас индивидуализма, от изолированности от жизни и приучать к пониманию превосходства общественной собственности над личной, чувству жизни в коллективе, а не в башнях из слоновой кости, особому чувству гражданственности и равенства перед законом. Словом, укреплять в чита-

телях знание новых производственных отношений. И все это — на фоне ломающихся форм личной и общественной жизни. Ну вот, к примеру, — до сих пор в западной литературе проблема семьи, главным образом, строится на личных взаимоотношениях мужа и жены, тогда как у нас с первых дней революции проблема семьи стала глубоко связана с новыми социальными условиями, поскольку жены начали работать и служить, как и мужья, уравнились с ними и в зарплатке, и в расходе своего времени: большее количество времени уходит на работу и малое остается на заботы о детях, на домашнее хозяйство. Известный роман Федора Гладкова «Цемент» построен весь на трагической проблематике именно социальных конфликтов в семье, а не лично-психологических. Но затрагивая эти социальные проблемы, писатели неизбежно привлекали внимание читателя к социальному их решению, то есть к необходимому росту яслей, детских садов, интернатов и других детских учреждений. Что касается национальных литератур, скажем, восточных, то там тема освобождения женщины от чадры или паранджи, ее поступления в школу или на работу создавала еще более острые конфликты в семье, и тогда ей на помощь приходила Советская власть. Общие, по-разному описанные конфликты пронизывали все национальные литературы — в деревне (борьба бедняка с кулаком), на заводе (уничтожение хозяев, переход на новые производственные отношения), в школе (изменение старых учебников, устранение власти поповства, борьба за всеобщую грамотность), в семье (равноправие женщин) — и при всей яркости, разнообразии языков, быта, традиций вырастали в единый хребет общей советской темы: борьбы нового, небывалого, социалистического со старым, отживающим, капиталистическим.

Когда я осмысливала вот это движение национальных литератур, внешне разных, но внутренне единых, я не могла не подумать о том, что наша критика будет топтаться в потемках, если не станет понимать и анализировать в своих работах это единое проблемное направление во всех наших

Окончание на 2-й стр.

шихся увлекательностью этой книги. Интеллигенция и рабочие Франции восприняли происходившее под влиянием Октября возрождение угнетенных, вымиравших при царизме народов дальнего русского севера к свету, свободе, культуре и борьбу коммунистов за это возрождение не только как новое содержание, но и как интереснейший приключенческий сюжет.

Что я желаю молодым писателям? Они родились и выросли, когда социализм стал повседневной явью. Они живут в нем, как дышат воздухом, которого обычно не замечаешь. Мне хотелось бы, чтобы в их книгах больше было исторического фона, чтобы ярче выступала новая социальная структура, в которой живут и действуют герои, советские люди. И еще мне хотелось бы, чтобы молодые писатели, видя и наблюдая отрицательные явления нашей действительности, понимали бы, что это исходит не от социалистической структуры нашего строя, а от плохой и нечестной работы тех людей, кто искажает наши законы, живет не по-советски. И, наконец, мне хотелось бы пожелать молодым писателям иметь зрение и слух на хорошее, что есть в нашей стране, на те зеленые побеги, которые прорастают в советской жизни от старых корней, посаженных Лениным в Октябре.

ЛЕЖИТ НА ЛАДОНИ

Окончание.
Начало на 1-й стр.

национальных литературах, а не только в одной русской. И в своей полчасовой речи на Первом съезде я говорила именно об этом и заключила ее предложением о необходимости создания при Союзе писателей комиссии по национальным литературам. Таким же вкладом в будущее были проблемные выступления многих других писателей и, конечно, речи самого Горького.

— Что же вы пожелаете нашему VII съезду?

— Прежде всего — быть деловым, перспективным, дать нам конкретные, профессиональные вехи для развития будущей советской литературы.

И еще одно важное пожелание. Я сказала полшутя, что столетие лежит у меня на ладони. Это значит, что очень ярко видятся мне дали прошлого. Удивительный успех имели первые советские книги у того же капиталистического Запада. В далекой России

свершилось чудо. Революция на свете было много, но впервые за века труженик-рабочий и труженик-пахарь, создатели всех материальных ценностей на земле, вышли на сцену истории как хозяева мира. Всем на Западе, и особенно интеллигенции, было страшно интересно узнать, что же у нас делается. К нам приезжали крупнейшие писатели. У нас был Герберт Уэллс, беседовавший с Лениным, позднее — Ромен Роллан. Молодые писатели не могут представить себе, какой славой пользовались наши книги за рубежом. Поездка Лидии Сейфуллиной на Запад сопровождалась триумфом. Каждый из нас получал письма от читателей наших переведенных книг. Доброжелатели засыпали нас вопросами. Позднее, когда я в Париже зашла в редакцию газеты «Юманите», печатавшую из месяца в месяц с продолжением книгу Тихона Свмушкина «Литет уходит в горы», мне там показали целую кипу писем от читателей, восхища-